

Глава 3

ЛОКАЛЬНОЕ ЭНВАЙРОНМЕНТАЛЬНОЕ ЗНАНИЕ: ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И СИМВОЛИЗМ ОГНЯ У ОЛЕНЕВОДОВ И ОХОТНИКОВ ЭВЕНКОВ-ОРОЧОН ЗАБАЙКАЛЬЯ¹

Ученые из разных дисциплин декларируют, что северные регионы претерпевают серьезные климатические, экологические, культурные и технологические изменения [Charin 2008]: повышение температуры, таяние вечной мерзлоты и увеличение лесных пожаров (*wildfire*). Лесные пожары являются ключевым компонентом в субарктической экологической зоне и рассматриваются и как возрождающая сила, и как основной вклад в поддержание экологической целостности. Несмотря на то что огонь играет важную экологическую роль, он также представляет собой угрозу для человеческой жизни, собственности и других ценных ресурсов. Сейчас огонь, появляющийся около деревень, оказывает разнообразное разрушительное воздействие на локальное сообщество охотников и оленеводов.

Огонь ограничивает паттерны передвижения, перемещает площади перемещения домашних транспортных животных, таких как лошади и олени. Огонь также разрушает привычные маршруты и зимовья, пригодные для ночных стоянок. Люди вынуждены двигаться дальше и достигать более дальних рубежей, до которых он не добрался. Охотники и оленеводы Забайкалья отмечают, что выгоревшие территории северной части Забайкалья сильно увеличились за последние двадцать лет. Этот факт особенно болезненно переживается теми, кто постоянно вовлечен в традиционные экономические таежные практики. Многие однозначно связывают подобные негативные тенденции с индустриальной деятельностью, такой как золотодобыча, лесничество, расширение территорий военных баз, а также с результатами недавних постсоветских социаль-

¹ Перевод главы с английского языка выполнен В. В. Симоновой и В. Н. Давыдовым.

ных процессов, где люди были вынуждены активно конкурировать за ограниченные ресурсы. Охотники и оленеводы также утверждают, что катастрофа произошла в результате неверного понимания и отсутствия знаний о том, как следует правильно обращаться с тайгой и как нужно там жить (в том числе уважать других существ, ее населяющих).

Многие индигенные группы Сибири исторически использовали контролируемый огонь в работе с ландшафтными ресурсами и даже чтобы уберечь места стоянок от лесных пожаров. Оленеводы и охотники развили технологии, позволяющие рационально использовать и адаптировать огонь в их ландшафтах. Они традиционно использовали огонь для улучшения среды обитания диких животных и оленей, охоты и оленеводства, сбора ягод и лечебных трав, освобождения от кровососущих насекомых, а также для повышения эффективности топлива.

Результаты моего полевого исследования эвенков-орочонон Забайкалья свидетельствуют о том, что комплексное знание экологии огня, основанное на традиционном обучении и личных наблюдениях, продолжает оставаться востребованным сообществами охотников и оленеводов. Несмотря на то что классическая российская этнография довольно детально документировала уважительное отношение эвенков к огню, отраженное в космологии и ритуальных повседневных практиках [Василевич 1969], недостаточно внимания уделялось тому, что собственно современные местные жители думают об огне, как и для чего его используют.

В данной главе я анализирую паттерны взаимодействия человека с огнем в двух прилегающих друг к другу территориях, населенных различными группами эвенков-орочонон Забайкальского края (бывшая Читинская область) и Республики Бурятия. Эта глава описывает, как охотники и оленеводы разжигают, используют и поддерживают огонь в их повседневной жизни во время перекочевков и устройства стоянок. В фокусе внимания также процесс выбора древесины для огня и причины данных предпочтений. Глава повествует о том, как огонь и дым от разных пород деревьев и растений используются в охоте, оленеводстве, локальных ремеслах и ритуальных практиках. В главе также уделяется внимание огню как части локального знания о поддержании баланса экосистемы. Выжженные части леса очень быстро восстанавливаются после долгой зимы, что привлекает как диких, так и домашних животных и облегчает

наблюдение за ними. Одной из целей данной главы является также раскрытие символических интерпретаций огня как значимого «не-человеческого актора» (*non-human actor*) повседневных ритуальных практик, посредством которого осуществляется взаимодействие людей и других существ, населяющих тайгу.

Полевая работа в Забайкалье

Орочоны (как они себя определяют) являются частью тунгусо-маньчжурской языковой семьи. Это охотники и оленеводы, живущие в бассейнах рек Витим, Лена, Калар, Олекма, Алдан и Зея в восточной части Сибири, а также часть баргузинских оленеводов.

Этноним «эвенки» был выбран и адаптирован в качестве наименования этих групп советскими администраторами в 1920-е годы. Это общее название после окончания Гражданской войны употреблялось по отношению к разбросанным по Сибири и Дальнему Востоку группам как универсальное для обозначения людей, говоривших на тунгусо-маньчжурских диалектах. Наименование «тунгусы» является более старым колониальным этнонимом забайкальских охотников, оленеводов и собирателей, которые идентифицируют себя как орочоны (мн. *орочер*) или эвенки (мн. *эвенкил*).

Сегодня орочоны живут в отдаленных деревнях, возникших в советскую эпоху и разбросанных по тайге, районы которой (Тунгокоченский и Баунтовский) относятся к разной административной юрисдикции: Забайкальскому краю и Республике Бурятия. Орочоны представляют собой меньшинство во всех деревнях за исключением Россошино (Республика Бурятия). Около 315 орочон живут в шести деревнях на территории Тунгокоченского района (Забайкальский край): Тунгокочен, Верхние Усугли, Усть-Каренга, Зеленое Озеро, Юмурчен, Красный Яр. Все деревни расположены в труднодоступных местах.

Примерно 510 орочон проживают в Баунтовском районе (Республика Бурятия), в основном в пяти деревнях: Багдарин, Россошино, Усть-Джиллинда, Монгой, Варваринск. В Тунгокочене и Россошино проживает наибольшее количество орочон (128 и более 200 человек соответственно). Орочоны Забайкалья, населяющие территории Тунгокоченского, Калараского и Тунгир-Олекминского районов, не имеют особого статуса аборигенов. Баунтовский

район поддерживает статус «Национальный эвенкийский район» в Республике Бурятия (переопределенный в 1990-е годы).

Большую часть полевого исследования, длившегося 17,5 месяцев (2004, 2005, 2010 годы), я провел среди локальных сообществ ороchon, проживающих в деревнях и тайге в Тунгокочинском и Баунтовском районах, расположенных в северной части Забайкалья¹. Забайкалье — обширная территория, простирающаяся на тысячу километров от восточного побережья озера Байкал к западному, достигая места слияния рек Аргунь и Шилка. На севере эта территория очерчена высоким горным хребтом (Патомское и Северобайкальское нагорья, Республика Саха (Якутия)), далее простирается еще на тысячу километров к южной границе с Китаем и Монголией. В настоящее время Забайкальский край получил официальный административный статус, включив территории бывшей Читинской области. Забайкалье славится разнообразием географических зон — от степей до тундры. Для этого региона также характерен резко континентальный климат с ярко выраженными сезонными контрастами. Высокие северные горы удерживают теплые и увлажненные воздушные массы, не допуская их к Забайкалью. Результатом этого процесса стал суровый климат со свойственными ему экстремальными флуктуациями атмосферного давления и температур, варьирующихся от 60 °С ниже нуля зимой до 40 °С выше нуля летом. Ледники расположены на высокогорье, где нет деревьев, а скалистые горные породы часто покрыты сосново-лиственничной тайгой.

Как и в советскую эпоху, сегодня жители деревень именуют себя *забайкальцами*. Они отмечают, что им приходится постоянно

¹ Данное полевое исследование было частью моего докторского диссертационного проекта, цель которого — изучить и концептуализировать разнообразие локальных навыков и знания, включая ритуальные практики, направленные на достижение успеха и удачи в охоте и оленеводстве [Brandšauskas 2009]. Полевая работа проводилась при поддержке Байкальского археологического проекта (SSHRCC MCRI 2000–1000), Фонда Веннера-Грена (Wenner Gren Foundation Dissertation fieldwork, grant 7260), и Комитета Центральной Азии (Кембриджский университет). Данный текст был написан благодаря финансовой поддержке Литовского научного консульства (Research Council of Lithuania, MIP-10497) и Вильнюсского университета. Моя полевая работа вряд ли состоялась без поддержки семьи Арунеевых–Жуманеевых. Я выражаю особую благодарность Алексею и Николаю Арунеевым и Тамаре Жуманеевой.

принимать вызов природы (с ее проявлениями в виде экстремальных температур, наводнений, лесных пожаров) в контексте общей сложной истории региона. Вызов окружающей среды также понимается как данность жизни в отдаленном и суровом крае огромной страны, управление которой осуществляется из центра, расположенного в европейской части континента. Локальные институты здравоохранения утверждают, что для человеческого здоровья северные регионы представляют собой враждебную среду [Михеев 1995: 35]. Отмечается, что организм забайкальцев испытывает стресс 215 дней в году, что подрывает иммунитет [Там же: 36].

Охотники и оленеводы также обсуждают негативные последствия индустриальных проектов, таких как добыча радиоактивного урана, военные базы, разбросанные по тайге, и разного рода шахты, деятельность которых загрязняет местные реки и тайгу. Подобные дискурсы также дополняются контраргументом: поскольку местные жители смогли приспособиться к этим сложным социально-экологическим условиям, то они без труда могут выжить в разных неблагоприятных экологических условиях.

Я работал с охотниками и оленеводами в деревнях и тайге в течение всего годового цикла. Мое длительное пребывание среди связанных между собой групп орононов, а также попытки научиться у них их ремеслам позволили мне погрузиться в жизнь этих людей. Я учился оленеводству и охоте, принимал участие в ритуальных действиях. Моя жизнь с охотниками и оленеводами включала постоянные перекочевки в разные таежные зоны: ритуальные места и охотничьи угодья. Эти перекочевки многому меня научили. Я изучил разные таежные навыки, искусства, способы обоснования в тайге, повседневную рутину деревенских жителей, охотников и оленеводов, научился многим практикам, часто путем имитации, у людей разных возрастов и обоих полов. Я получал от них ценные указания, особенно когда у меня ничего не выходило. Также у меня была уникальная возможность неформально и открыто беседовать обо всем, что вызывало мой интерес.

Большую часть времени полевой работы я провел, наблюдая за жизнью семьи оленеводов и охотников Жуманеевых—Арунеевых, проживающих в Тунгокоченском районе. Николай Яковлевич Арунеев (род. 1959), Юрий Яковлевич Арунеев (род. 1960) и Ольга Жуманеева (род. 1935) являются основными членами этой семьи. Николай, Юрий и Ольга часто кочуют по тайге со своими родствен-

никами и друзьями в поисках зверя и присматривая за своим стадом в пятьсот голов. Они достаточно редко выходят в деревню¹.

Эта группа оленеводов во время сезонных перекочевков, осуществляемых каждые 2–4 месяца по территории бассейнов рек Каренги, около рек Катомчика, Бугарикта, Поперечная и Базарная, постоянно живет в брезентовых палатках, снабженных печками-буржуйками. Оленеводы пасут оленей на расстоянии около 200 километров от деревни Тунгокочен. Их территория выпаса и охоты также пересекается с территориями других охотников из деревень Усть-Каренга и Зеленое Озеро. Территории, которые пострадали от лесных пожаров, часто переходят в пользование родственников, которые добывают пушных животных в зимнее время. Оленеводы используют более десяти стоянок, так что достаточно сложно угадать, где в настоящее время находится семья.

Для зимних стоянок выбираются голые холмы. Также в осенний и весенний периоды стоянки используются для присмотра за оленями во время гона и отела. Каждый сезон оленеводы перестраивают стоянку на новых местах. Территория оленеводов хорошо снабжена запасами, а искусственные солонцы и дымокуры, отгоняющие от оленей кровососущих насекомых в теплый период годового цикла, находятся под постоянным наблюдением оленеводов.

Весной семье приходится следить за тем, как проходит отел, и охранять важенок и телят от хищников в специально построенных коралях. Когда осень сменяет лето, олени уходят в горные районы бассейна реки и семья перекочевывает на нижние участки у подножия холмов.

Много энергозатрат требует работа по спиливанию рогов у оленей перед сезоном гона. Это делается для того, чтобы олени друг друга не поранили. В это же время они проверяют здоровье кастрированных животных и лечат их, если это необходимо. В период гона важенок и телят запирают на ночь и отпускают на волю днем. Стадо постоянно проверяют — высматривают диких оленей, которые могут увести важенок с собой. Как только реки замерзают, стоянку

¹ Я наблюдал еще несколько маленьких стад (15–20 животных), которыми владели оленеводы и охотники Забайкалья. Жуманевы–Арунчевы — единственная семья, содержащая большое стадо оленей. Старики-орочоны вспоминают, что в царскую эпоху семьи часто имели небольшие стада, около 30 оленей, которые использовались в качестве транспортного средства.

перемещают на безлесные холмы около небольших притоков реки, где олени поедают лишайник и свободно пасутся в горах в течение всего холодного периода. Соль дается оленям в течение всего года, но особенно интенсивно зимой. Стадо может оставаться практически без присмотра весь зимний сезон, когда идет охота за пушниной.

Оленеводы культивируют ландшафты, создают открытые болотные поля *кевер* (о. кочки). Эти места оленеводы выжигают, чтобы создать благоприятные условия для роста свежей травы [Vandīšauskas 2006, 2007]. Трава *иргекта* (о.), произрастающая на полукруглых кочках, является частью пищи оленя. Более того, открытые поля также важны как наблюдательные зоны, чтобы иметь возможность смотреть за перемещением стада. Николай Арунеев всегда выжигал луговины вокруг стоянки, говоря при этом, что эти места должны быть ягодными. Выжженные зоны также привлекают оленей, что позволяет держать сравнительно большое стадо на небольшой территории.

Оленеводы не держат животных ради коммерции и не имеют регулярного торгового сообщения с деревней. Основную денежную выручку они получают от реализации шкур белок и соболей. Некоторые части животных, такие как панты, хвосты, лапы медведя и т.п., через Читу экспортируются в Китай. Весь доход идет на покупку необходимого для таежной жизни оборудования. Несмотря на то что оленеводы Тунокочена имеют стадо, они не сдают своих оленей в аренду другим оленеводам или предпринимателям. Стадо также обеспечивает оленеводам автономию в пространстве тайги и позволяет отчасти не зависеть от системы денежных отношений. Они считают, что их кооперация с животными приносит удачу в таежной жизни.

Семья регулярно охотится с помощью транспортных оленей (это около 40 хорошо тренированных и кастрированных оленей). В случае необходимости оленеводы могут позаимствовать любого оленя для транспортных нужд, несмотря на то что олень является частной собственностью. Для каждого путешествия семья выбирает хорошо откормленного оленя, но его не нагружают слишком сильно: берегут здоровье. Большое стадо позволяет выбирать и тренировать новых молодых животных.

Как было сказано выше, транспортные олени — прекрасные помощники в охоте на пушного зверя, поскольку зимой доставляют все необходимое к месту охоты и обратно. Семья охотится на пушного зверя в бассейне реки Нерча по соглашению с другими охотниками.

Нерча — самая крупная река Тунгокоченского района — впадает в реки Амур и Каренга, последняя потом достигает реки Витим, относящейся к бассейну реки Лена. Ранней осенью охотники обходят пешком свои зимовья в низинах. Так же как и Алексей Арунцев, многие уходят в тайгу в это время и пешком и на лодках достигают своих охотничьих угодий. Алексей вывозит свою добычу на лошадях до выпадения снега. С ноября по февраль многие деревенские охотники уходят в отделенные таежные участки. Эти горные участки, как правило, снабжены зимовьями. Охотники совершают обход своих зимовий в поисках соболей и белок и переносят все свое оборудование.

Земли, где орочны занимаются охотой и оленеводством, покрыты хвойным лесом. Хвойные леса расположены на высоте 800–2000 метров над уровнем моря. Самые высокие пики холмов, покрытые лишайником (в основном лат. *cladonia*), формируют горный хребет выше верхушек деревьев. Лиственница (лат. *larix gmelini* и *larix dahurica*), сосна (лат. *pinus silvestris*) и береза (лат. *betula pendulus*) сопутствуют возникновению влажных кочек, иногда покрытых тальником (лат. *salyx*), рододендромом и островами хвойных деревьев, служащих весенним и летним пастбищами оленей.

Жизнь в этих отдаленных местах требует от их обитателей мастерства (хождение и перенос груза по болотным ухабам, через реки и скалистые горы). Вечная мерзлота расположена не так далеко от почвенной поверхности земли, следовательно, лишняя вода не сорбируется и создает повсеместное распространение влажной среды, характерной для периода с мая по октябрь. Средний уровень осадков достигает 300 мм в долинах рек и повышается до 600 мм на холмах. Около 50 % осадков приходится на июль и август. Реки Забайкалья богаты рыбой. Большинство рек замерзает в середине октября, и лед стоит до начала мая (160–180 дней в году).

Исторический и политический контекст: землепользование, повседневные практики и соревнование за ресурсы

Орочны Забайкалья известны в ранней этнографической литературе как витимские тунгусы или витимские орочны¹. Витим-

¹ Первые упоминания о витимских тунгусах, которые жили на обоих берегах реки Витим, появились в XVII столетии в записях о походе отряда

ские ороконы, которые сейчас проживают по обоим берегам реки Витим в Бурятии и Забайкальском крае, говорят на одном и том же диалекте, поддерживают родственные связи, имеют одну и ту же родовую идентичность и продолжают вступать в брак и поддерживать реципрокацию с представителями своей группы¹. Прежде ороконы мигрировали, охотясь и занимаясь оленеводством в бассейне реки Витим и ее притоков по правому берегу: Конда, Каренга, Калакан, Калар и Ламурчен (территория современного Забайкальского края); а также притоков левого берега: Ципа и Муя (территория современной Бурятии). На сегодняшний день витимские ороконы живут в основном в деревнях, но продолжают охотиться и заниматься оленеводством в отдаленных участках бассейна Витима. Исторически ороконы двух районов оказались разделенными административной границей, проходящей по реке. Они называют друг друга «баунтовскими» и «читинскими», а также «тунгокоченскими» и «каларскими» эвенками (орочонами).

Между пришлым населением и представителями коренных групп постоянно возникали конфликты, касающиеся использования земли и добычи полезных ископаемых [Беликов 1994: 13–24]. Например, в начале XIX века иркутская губернская администрация провозгласила отсутствие прав представителей коренного населения на землю, что привело к присвоению территорий, где кочевали ороконы, пришлым населением [Fondahl 1998: 42]. Специальный закон — «Устав об управлении инородцами» — был издан Александром I в 1822 году, чтобы регулировать отношения между поселенцами и коренными группами, а также для того, чтобы более продуктивно собирать государственные налоги. Советник императора

казаков под предводительством Головина и Глебова, который продвигался вдоль Витима, начиная от устья Каренги [Долгих 1960: 38].

¹ Это относится в большей степени к ороконам Тунгокоченского (Забайкальский край) и Баунтовского районов (Бурятия). В то же время, хотя ороконы Каларского района, находящегося по соседству с Тунгокоченским, также определялись советскими этнографами как отличная от витимских орокон группа, диалект и стиль жизни каларских орокон и эвенков Якутии схожи [Туголуков 1962: 15–16]. Пожилые ороконы из деревни Усть-Каренга (Тунгокоченский район) утверждают, что тунгокоченские и каларские ороконы враждовали между собой [Там же: 18]. Однако местные диаграммы родства свидетельствуют о брачных отношениях с каларскими ороконами, продолжавшихся до конца XIX века.

Михаил Сперанский стал автором данного закона, согласно которому орочны получили специальный статус *инородцев*. Этот устав разделил коренное население на оседлое, кочевое и бродячее. В данном контексте образ жизни ороchon рассматривался как отсталый, и они как в законодательных актах, так и в этнографической литературе были классифицированы как «бродячие тунгусы». «Бродячие тунгусы» также рассматривались как лишённые связи с землей [Орлов 1858: 180]. Таким образом, их образ жизни трактовался как пережиток прошлого, который в скором времени должен был измениться. К концу XIX столетия новые волны промышленников, политических ссыльных и каторжников стали частью рабочей силы, используемой для добычи золотой руды в отдаленных таежных местах. Эти мигранты пригнали с собой скот и лошадей, начинали заниматься охотой, а также поджигали тайгу для того, чтобы обеспечить себя сухими стволами деревьев, которые можно было использовать в качестве дров. Согласно отчету Е. Титова [ЧККМ. № 15319: 10], поселенцы часто выжигали огромные территории тайги, полагая, что деревья задерживают влагу в почве, препятствуя сельскохозяйственному освоению этих мест. Титов [Там же] писал, что переселенцы вели себя в тайге как «разбойники» и вообще «не по-хозяйски», убивая всю движущуюся дичь, не заботясь о ее воспроизводстве и маршрутах миграции. Кроме того, охотники с собаками часто нарушали спокойствие эвенкийских стоянок, распугивали оленей. Относительно использования таежных территорий между пришлым населением и эвенками-орочонами часто возникали разногласия, тем более что все больше людей посещало охотничьи территории и пастбища, добывая значительное количество дичи и пушного зверя. В конце XIX — начале XX века бывали случаи, когда охотники убивали домашних оленей, а также разграбляли запасы ороchon, оставленные в лесу. Согласно Туголукову [Туголуков 1962: 19], пришлое население считало возможным пользоваться зимовьями ороchon в тайге.

В царское время коренные народы все же пользовались некоторыми правами на землю, обеспечивая стабильное снабжение государства пушниной, в то время как в советскую эпоху государство старалось контролировать использование земли ороचनाми, их быт, а также верования. Этот контроль стал более организованным и радикальным и сопровождался насильственной коллективизацией. Последняя подразумевала конфискацию стад, которые были необ-

ходимы орочоном для охоты, а также переход охотничьих инструментов и оборудования в коллективную собственность. Коренное население должно было вступать во вновь созданные коллективы и кооперативы. В зависимости от социальной роли, а также от наличия имущества коренные жители были разделены на различные социальные категории. В данном контексте советские администраторы намеревались изменить социальную систему ороchon, превращая сообщества, которые базировались на принадлежности определенным родам, в трудовые коллективы [Anderson 2000a: 187–200]. Политика коллективизации и перехода к оседлому образу жизни сопровождалась также притеснением религиозных практик и верований. Местные специалисты в области ритуалов, которых принято называть шаманами, а также другие лидеры сообщества подвергались арестам, помещались в тюрьмы и лагеря, а иногда расстреливались, а любые публичные ритуальные практики были упразднены и подвергались гонениям. Тем не менее в ранний советский период решения о том, где охотиться и пасти оленей, все еще принимались орочоном, которые продолжали следовать старым паттернам использования территорий [Fondahl 1998: 62].

Во время первых десятилетий с момента начала коллективизации те орочоны, которые имели во владении до 20 оленей (максимум, который был разрешен государством), могли также жить за пределами деревень, продолжая мигрировать семьями, охотясь и занимаясь оленеводством. В позднее советское время коллективные стада иногда достигали 2000 голов. Эти стада находились под контролем работающих в колхозах специалистов, получивших образование в охотоведческих институтах. Согласно Туголкуву [2004: 343], в 1958 году из 537 ороchon, проживавших в деревне Тунгокочен, 264 человека работали в колхозах охотниками и оленеводами. Оленеводство было организовано в соответствии с требованиями специальных комиссий, а также различных специалистов, включая географов, биологов и ветеринаров.

Одной из практик оленеводов было контролируемое выжигание некоторых участков, так как это было важно для выпаса крупных стад. Коллективное оленеводческое хозяйство должно было приносить доход от продажи мяса и шкур. Кроме того, важным источником дохода местных колхозов, а также работающих в них оленеводов стало обеспечение перевозки грузов для геологических экспедиций и строителей Байкало-Амурской магистрали (БАМ).

Однако новые деревни и колхозы были укрупнены и реорганизованы через непродолжительный промежуток времени после их создания. К концу 1970-х годов все колхозы Забайкалья были объединены и реорганизованы в совхозы и госпромхозы для того, чтобы обеспечить больше прибыли. Однако в процессе реализации проекта, который подразумевал государственный контроль местных экономических практик, оленеводство постепенно утратило свою рентабельность, и в последующие годы существенно увеличились потери оленей. Охотники и оленеводы связывают данную ситуацию с большим количеством лесных пожаров.

Несмотря на то что охота была отделена от оленеводства и проводилась отдельными бригадами, охотники не платили оленеводам за использование оленей. Происходило постепенное понижение статуса оленеводов. Кроме того, это сопровождалось уменьшением поголовья оленей, чему способствовало также нерациональное использование финансов. В то же время состав охотников пополнялся представителями некоренного населения, которые обучались тому, как охотиться на пушных зверей и добывать мясо. Например, многие представители администрации, а также военные стали заниматься охотой. Местные жители говорят, что в это время многие люди из числа пришлого населения стали добывать все больше дичи, используя вездеходы и даже вертолеты. На качество пастбищ и охотничьих угодий негативно повлияли добыча полезных ископаемых, а также строительство БАМа. Многие оленеводческие стоянки и места охоты пострадали от деятельности военных полигонов, лесозаготовляющих предприятий, геологических экспедиций и метеорологических станций. Например, местные жители полагают, что военные испытания, а также небрежное отношение к природе участников геологических экспедиций стало причиной большого количества лесных пожаров. Многие люди, включая военных, работников добывающей промышленности и строителей, которые параллельно занимались охотой, способствовали уменьшению дичи в лесу, а также стали причиной лесных пожаров. Неконтролируемые лесные пожары уничтожали не только деревья, но и слой почвы, оставляя позади себя каменистый ландшафт, для восстановления которого требуется большой промежуток времени.

После распада Советского Союза многие деревни Забайкалья страдали от потери государственных субсидий и отсутствия бензина и часто были неспособны обеспечить население электричеством

в течение целого дня. Во многих деревнях были закрыты детские сады и школы, а магазины и местные предприятия приватизированы. Вскоре администрация прекратила дорогие вертолетные рейсы в отдаленные деревни, и все аэропорты были разграблены и разобраны жителями, которые искали любые строительные материалы. Телефонное сообщение также было прекращено, и чтобы отсылать и получать короткие сообщения, люди могли только надеяться на редкую и непродолжительную радиосвязь и телеграф. Поскольку в Тунгокочене все же была сохранена некоторая инфраструктура, этот поселок стал привлекательным местом проживания для выходцев из маленьких деревушек, окруженных тайгой. Многие небольшие и отдаленные деревни, такие как Юмурчен, Красный Яр и Зеленое Озеро, сегодня находятся на грани исчезновения из-за оттока населения. Тунгокочен и Усть-Каренга — две деревни, в которых была сохранена инфраструктура, — постепенно смогли адаптироваться к новым рыночным условиям. Охотники и оленеводы часто говорят, что охота, рыболовство и перемещение по тайге позволяют им чувствовать себя независимо от городской рыночной экономики, что в тайге они «сами себе хозяева» и многие из них не хотели бы «влачить жалкое существование в маленькой квартире в городе».

Не удивительно, что после коллапса системы государственного финансирования местных организаций тайга, изобилующая дикими животными, превратилась в главный источник дохода многих местных семей. Жители деревни пытались извлечь всевозможные ресурсы из тайги, добыть все, что имело ценность и могло быть продано, обменено или использовано для собственных нужд. Поэтому многие стали заниматься охотой, постоянно посещать тайгу, приобретая там новые навыки и присоединяясь к организованным заездам охотников. Как говорят местные жители, все стали стремиться к добыче крупных животных, а также к поимке животных с помощью капканов и ловушек. Многие стали охотиться на кабаргу, так как кабарожья струя (мускус) представляет особую ценность и покупается китайцами. В то же время части различных животных, а также их шкуры стали основной валютой в контексте нехватки денег и «дикого рынка» [Anderson 2000b]. Тайга наполнилась людьми, соревнующимися за различные ресурсы.

Каждый охотник снабжает мясом диких животных членов своей семьи, которые живут в деревне, а также других родственников. Дикие животные также служат важным ресурсом для пригото-

ния лекарств, производства вещей, обуви, одежды — всего того, что стало важным предметом торговли. Добыча пушнины, а также крупных млекопитающих в основном ведется на территориях, отдаленных от поселков на 50–100 километров. Люди охотятся на таких животных, как лось (лат. *alces alces*), изюбрь (лат. *cervus elaphus*), медведь (лат. *ursus arctos*), кабан (лат. *sus scrofa*), дикий олень (лат. *rangifer tarandus*), косуля (лат. *capreolus capreolus*) и кабарга (лат. *moschus moschiferus*). Заяц (лат. *lepus timidus*) добывается в незначительном количестве, тем не менее добытки пушнины могут перезимовать, питаясь в основном заячьим мясом, так как это животное достаточно легко поймать. Каменистые территории, покрытые лесами, находящиеся в верховьях рек, богаты животными, мех которых высоко ценится: соболь (лат. *martes zibelinea*), белка (лат. *sciurus vulgaris*). Охотники также ставят капканы на колонка (лат. *mustella sibirica*), горностаю (лат. *mustela erminea*), рысь (о. *lynx*) и росомуху (лат. *gulo gulo*). Одомашненных животных, таких как лошади и собаки, специально обучают, чтобы они помогали своим хозяевам в перевозке грузов и охотничьем промысле. Если лошадей в советское время разводили на мясо, то сегодня они стали основным транспортным средством в тайге до того момента, как выпадет снег. Кроме того, жители деревни продолжают разводить скот для получения молока и мяса и выращивают картофель в огородах, расположенных около домов. Жители также собирают ягоды, чтобы продать их или обменять на картофель у приезжающих в деревню коммерсантов.

После крушения советской системы все совхозы были ликвидированы и превращены в акционерные общества. Предприятия Тунгокоченского района ориентировались на добычу ресурсов тайги и были основаны на базе бывших совхозов. Таким образом, любой человек, который работал в них, имел шанс получить компенсацию в виде скота и приватизированной техники. Олени и лошади были поделены между оленеводами и группами оленеводов, которые стали кооперироваться между собой, вступив в общины. Новые экономические практики и политика самоуправления коренных малочисленных народов Севера были юридически закреплены в 1992 году федеральным законом, касающимся использования общинных земель. Таким образом, на бывших совхозных пастбищах и охотничьих участках, а также на территориях, объявленных традиционными родовыми угодьями, общины могли заниматься выпасом оленей, ловить рыбу, добывать мех, косить сено. К этому вре-

мени некоторые лидеры данных сообществ, расспрашивая стариков, сумели реконструировать генеалогии своего родства, связывая их с различными охотничьими угодьями, которые раньше использовались различными родами. Кроме того, они вели переговоры с представителями власти относительно прав на использование определенных территорий. В то же время другие орононы, точно так же как и пожилые охотники, стали заявлять о своих правах на землю, подчеркивая, что они провели десятилетия на этих территориях, занимаясь здесь охотой в советский период.

В 1990–2000-е годы в Тунгокоченском районе было основано 32 общины, включая несколько оленеводческих предприятий, которые базировались на землях и имуществе бывших совхозов деревень Тунгокочен и Усть-Каренга. Оленеводы и охотники продолжили свои практики на бывших колхозных и совхозных территориях, адаптировав новые стоянки, свободно выпасая оленей в тайге. Как заметил один из оленеводов, «тайга вернулась от государства к оленеводам и охотникам». Многие государственные служащие превратились в коммерсантов, основали предприятия по заготовке пушнины, сбору ягод и заготовке леса. Эти бывшие государственные менеджеры брали в аренду у государства различные таежные территории и нанимали местных охотников, чтобы те охотились на данных территориях. Коммерсанты обеспечивали отдаленные деревни продовольствием, часто снабжая охотников в кредит и помогая в транспортировке охотников и их оборудования в отдаленные места, скупая после все их меха по самым низким ценам. Кроме того, среди скупщиков пушнины и охотников возникала конкуренция, касающаяся покупки мехов, использования охотничьих участков и сотрудничества между охотниками, — в этой ситуации охотник мог продать меха тем, кто предлагал более высокую цену. В данном контексте торговые отношения в деревне связаны с охотничьей удачей, так как многие товары обычно отпускаются в кредит, который возвращается весной по окончании охотничьего сезона после продажи мехов. Большинство охотников, которые использовали назначенные им участки в советское время, удержали за собой «право хозяина» (“master right”) и в постсоветский период. Однако сегодня они также кооперируются и сотрудничают с другими охотниками и предпринимателями, сообща организуют свою деятельность, так как охота в отдаленных местах требует как инвестиций капитала, так и специальных знаний и навыков.

В контексте дефицита земельных ресурсов, а также конкуренции за эти ресурсы в 2000-е годы обычной стала ситуация, когда охотничьи зимовья и лабазы оказывались разграбленными. Когда-то «закон тайги» требовал оставлять соль или сахар в случае, если кто-то использовал запасы из лабаза, в постсоветский же период «каждые брал все, что оставлено без присмотра». Существовал постоянный риск разграбления или разрушения лабазов, зимовий, капканов, ловушек. Свободно пасущиеся олени и лошади, оставленные без присмотра, также могли быть убиты другими охотниками. Подобные практики приобрели еще более радикальные формы: например, специально поджигались зимовья и охотничьи участки конкурентов. Рассказывают также о вооруженных перестрелках, которые заканчивались большим количеством «пропавших без вести людей» в тайге, а также об умышленных убийствах. На сегодняшний день поджигание тайги может быть вызвано не только агрессией, но и соревнованием в контексте «дикого рынка» постсоветской эпохи [Anderson 2000b]. Например, охотники выжигают тайгу для того, чтобы было легче найти ценные рога, которые покупаются коммерсантами и вывозятся в Китай: на выгоревшей поверхности гораздо легче найти рога белого цвета. Однако практика выжигания леса разрушает охотничьи участки других охотников. Лесные пожары влияют на паттерны миграции и охоты в лесу, а также разрушают олени пастбища региона. Таким образом, многие деревни оказываются окруженными выгоревшими территориями. Например, представители Тунгокоченского лесничества утверждают, что выжженные территории составляют около 17 % территории Тунгокоченского района.

Огонь на стоянке: дрова, очаг и дым

Во время полевого исследования мне посчастливилось присоединиться к орочону, опытному таежнику и леснику Алексею Арунееву, который не только ходил далеко в тайгу в поисках лесных пожаров, но и сам демонстрировал мастерство подконтрольного выжигания. Он верил, что искусство поддержания экобаланса в тайге прежде всего связано с тем, как человек обращается с огнем.

В российской этнографической литературе задокументировано, что эвенки-орочоны обладают особой этикой взаимодействия с огнем *того*. Действительно, практика разжигания и поддержания

огня является основной в таежном быту. Приготовление пищи и обогрев, снятие шкуры с добытых животных, починка оборудования, а также рассказывание историй часто происходят также вокруг огня и при свете его пламени.

Одной из основных моих обязанностей на стоянке Жуманевых—Арунеевых было приготовление дров (о. *того*) для двух кострищ. Каждое утро в компании оленевода Леонида Унаулова мне приходилось искать подходящее сухое дерево и приносить его на стоянку. Сухие зрелые деревья можно было найти в трехстах метрах от нашей стоянки. Обычно Леонид Унаулов и я высматривали лиственницы, рубили упавшие деревья на четыре части (каждая — около двух метров в длину). Затем на плечах мы несли поленья (примерно 30 см в диаметре, весом 50—70 кг) в лагерь. Каждому полену отводилось место для обработки (о. *тогокит*), затем полено рубили на более мелкие поленья (до 30 см в длину), подходящие для печки. Рубка дров требует особых навыков. Однажды оленевод Виктор Мордонов, пришедший со стоянки на реке Талая (Баунтовский район, Бурятия), сказал: *«Нужно чувствовать правильное место, куда нужно ударять. Если ты правильно ударишь, полено сразу разлетится без особых усилий»*.

В тайге используются сухие неискрящиеся дрова: это либо зеленая лиственница (о. *иракта*), либо сухая (о. *ниндун*). Оба типа дерева хорошо горят и дают много тепла. Большинство охотников и оленеводов не любят использовать для костра березу (о. *чолбан*) и сосну (о. *джагда*). Глава оленеводческой общины «Боюн» Николай Арунеев убежден, что эти породы деревьев богаты смолами, что может повредить здоровью людей, оленей и собак. Его брат Алексей полагает, что сосна быстро сгорает и дает совсем немного тепла. Как правило, для организации стоянки они выбирают место, где растут лиственницы. В случае же нехватки лиственничной древесины используются очень сухие березовые и сосновые дрова.

Молодые деревья (о. *ниндукан*) небезопасны для брезентовых палаток, так как искрятся, что представляет угрозу для оборудования и укрытия (о. *калтамни*, рус. *балаган*). Однако в зимнее время для разжигания костров вдали от стоянки мы собирали и молодые деревья (о. *иркатакашки*). Охотники, собрав 9—12 палок (не более 2 м в длину и 15 см в диаметре), раскладывают их в форме звезды. Когда концы обгорают, дрова подталкивают к центру. Данный вид костра — особый сбалансированный способ, поскольку дрова прогорают небыстро и дают тепло для чайника (о. *колокочан*). Укрытия,

которыми пользуются в основном в летнее время, покрываются лиственничной корой (о. *уклавча*) или же брезентом и полиэтиленом.

Охотники и оленеводы рубят большие деревья (о. *голон*) (2 м в длину) в период холодных летних и осенних ночей. Они раскладывают их вблизи от чумоподобного строения (о. *дюкия*) или временного убежища *калтамни* таким способом, что спящие получают наибольшее количество тепла. Основное полено кладут параллельно с *калтамни*, тогда как концы других поленьев кладут прямо на него. Очень важно, что пламя равномерно горит всю ночь, и нет необходимости поправлять поленья. Такой тип кострища называется *головун* (о.). Владеющие ороchonским языком утверждают, что лингвистически деревья категоризируются не только по видам, но и по формам и функциям. В языке ороchon достаточно много слов, отражающих разнообразие деревьев для костра. Есть отдельные слова для пней (о. *мугдокон*)¹, поваленных деревьев (о. *такинг*), деревьев с дуплами (о. *чонке*), деревьев с корнями (о. *нилго*), тонких и сухих деревьев (о. *конго*), склоненных деревьев (о. *ненгири*), сплетенных (о. *токчомо*) и прямых деревьев (о. *мумно*).

Разжигание костра обычно происходит от небольших веточек лиственницы, именуемых *батара* (о.), и крупных веток (о. *гаре*). Также используется сухая березовая кора (о. *кива*). Огонь в буржуйке разжигают небольшими поленьями (о. *ивалда*). В холодные зимние ночи для разжигания буржуйки используют особую корявую часть дерева (о. *кандавча*).

Когда я жил в зимнем лагере в палатке на реке Поперечная, я тоже холодными зимними ночами приготавливал *кандавча* и *ивалда* для буржуйки. Меня научили выбирать лиственничные ветки без сучков. *Кандавча* делается из веток 20 см в длину. Ветку разогревают, а стружки оставляют на ней так, что темной зимней ночью эти стружки легко воспламеняются от одной искры. После того как *кандавча* загорается, охотники поддерживают огонь с помощью *ивалда*. *Ивалда* делается из веток толщиной 0,5 см, длиной около 13 см. Эти ветки используются для того, чтобы лучше генерировать огонь. *Кандавча*, так же как и *ивалда*, — породы деревьев, пригодные для поддержания ночного огня при помощи одной руки (не вылезая из спальника), когда минимальная температура достигает 50–60 °С

¹ Категории пней также зависят от их размера, например широкий пенёк называется *дирамил* (о.).

ниже нуля в декабре или январе. Такая техника позволяет разогреть палатку за пять минут.

Как только огонь разгорается, охотник кипятит воду для чая (рис. 10). Местные связывают две длинные палки — это приспособление называется *тоган* (о.) — и подвязывают к ним чайник. Деревянный треножник называется *соунанг* (о.). Однако большинство людей в Тунгокочене для удержания чайника над огнем применяют *тоган*. Как *соунанг*, так и *тоган* обычно делаются из зеленой березы (о. *чолбан*) чтобы защититься от возгорания. Жердь *тоган* (о.) достигает трех метров в длину и поддерживается двумя раздвоенными на концах подпорками (о. *чоска*). Обычно один конец подпирают камнем (о. *дидо*). Весенним или осенним утром, когда охотники покидают лагерь, чтобы снизить риск возникновения лесных пожаров, они тушат кострище песком и камнями. Хотя охотница и пожилая жительница из Усть-Каренги Надежда Копылова сказала, что кострище редко тушат водой, Алексей Арунцев часто использовал воду и остатки чая с этой целью.

Разведение огня — первое, что делают на месте нового лагеря (о. *урикут*). Только после того, как огонь разгорелся, начинается

Рис. 10. Осенний лагерь охотников на юзюбря около реки Омутма. *Тоган*, используемый для приготовления супа, и стволы (о. *голон*) для поддержания тепла во временном жилище ночью. Тунгокоченский район, Забайкальский край, 2005 год (фото Д. Брандишаускаса)

установка палатки и устраивается укрытие для собак. Необходимо отметить, что Жуманеевы—Арунеевы всегда готовят огонь на новом месте, даже если старое место (о. *тогokit*) еще пригодно для использования. Внук знаменитого в районе охотника и оленевода Федора Жуманеева, оленевод Николай Арунеев, объяснил, что у каждого места есть свой дух, своя энергия, поэтому лагерь всегда нужно устанавливать на новом месте. Это позволяет избежать влияния злых сил (о. *оми*). Николай придерживался этого правила: «Если люди будут следовать этой установке, тогда олени не будут болеть, а людям всегда будет сопутствовать удача *кутучи*».

Во время охоты вдоль бассейна реки Има мне приходилось видеть старые кострища, расположенные друг от друга через каждые 30–50 м, по кромкам на расстоянии одного километра от ровной поверхности, поросшей старыми деревьями (о. *наминга*). Алексей Арунеев рассказал мне, что его отец Федор Жуманеев раньше раскладывал очаг каждые двести метров в сторону от предыдущего очага.

Каждый сезон Николай Арунеев разжигает более одного кострища. Печки-буржуйки в теплый сезон не используются, вместо них разжигаются два костра за пределами лагеря. Один основной очаг разводится около шалаша, покрытого лиственничной корой, а другой располагается в 5–20 м от первого. Основной очаг используется для кипячения воды, приготовления пищи, а также обогрева во время повседневных разговоров в процессе дубления шкур и починки оборудования. Второй — для подогрева дополнительного объема воды (которую используют для заваривания чая и приготовления пищи собакам), а также для копчения и сушки мяса *сирна* (*кукуро*).

Основной источник тепла зимой — это печка-буржуйка, на которой жарят еду и варят чай. Важно днем и ночью поддерживать в ней огонь, так как вся деятельность зимой связана с печкой как источником тепла. Очаг за пределами палатки используется для приготовления пищи собакам, супа и лепешек. При этом медленный огонь внешнего очага поддерживается постоянно. Пару часов в день тратится на растопку льда, чтобы заготовить примерно 30 л воды, необходимой для приготовления пищи шести-семи охотничьим собакам в зимнем лагере. Если охотнику нужно срочно покинуть лагерь, огонь быстро тушится водой.

Охотники всегда очень внимательны к территории вокруг огня (о. *аран*). *Аран* — особое место, отведенное для деятельности, свя-

занной с использованием огня. *Аран* также соотносится с землей чума (о. *дюкия* — коническая палатка). Это место, где люди проводят большую часть времени в повседневных хлопотах, занимаясь разными ремеслами. Шкуры соболей (баунтовские о. *удиа*, тунгокоченские о. *няка*), белок (о. *улуки*), кроликов (о. *туксаки*) и другую пушнину всегда обрабатывают у огня. Обработка шкур оленей также происходит вокруг огня или рядом с буржуйкой внутри палатки. Поскольку охотники возвращаются в лагерь под конец дня, вся деятельность, связанная с обработкой шкур, камусов (о. *оси*, Рус. *камус*), пошивом и починкой одежды, происходит у огня в ночное время. Как и все, я тоже делал все в сумерках долгими осенними и зимними ночами. Употребление пищи также происходило вокруг огня, который давал нам свет и тепло. Даже летними ночами температура воздуха может достигать нуля градусов.

Охотники используют дым, чтобы сохранить и высушить мясо, а также уберечь животных от кровососущих насекомых (рис. 11). Оленьи шкуры, которые используют для пошива унтов, а также в лесу, обкуривают дымом. Дым придает шкуре дополнительное качество, иначе шкура затвердевает. Вместе с легким дымом в шкуру проникают масла, что делает ее водонепроницаемой. Сама по себе шкура водопроницаема, поскольку фибры поглощают воду, что не позволяет естественным элементам активизироваться. Шкура, прошедшая обработку дымом, не допускает размножения бактерий. Тунгокоченские и баунтовские ороконы обычно строят подобное чуму сооружение *утореун* (о.) специально для обработки шкур дымом. Каркас этого сооружения делается из лиственничных шестов, покрытых вывернутыми мехом внутрь шкурами. Все это покрывается дополнительным слоем брезента. Теплый густой дым затем проникает сквозь тонкие слои кож. Внутри *утореуна* люди обычно выкапывают ямку или используют оловянное ведро в качестве очага, который они заполняют трухой лиственницы (о. *кучу*), дающей дым. Летом Надежда Копылова собирает особый вид таежной лиственницы, имеющей красный оттенок благодаря особому виду грибка-паразита. Надежда говорит, что такая лиственница богата смолой и является лучшим сырьем для дыма, что очень важно при обработке шкур. Поскольку она ведет полукочевой образ жизни, то построила *утореун* на заднем дворе своего деревенского дома. Она разводит огонь в ведре и заносит его в *утореун*. При сжигании красной гнилой лиственницы дым идет очень долго.

Рис. 11. Использование огня в лагере на реке Бугарикта: кипячение воды и сушка мяса. Тунгокоченский район, Забайкальский край, 2004 год (фото Д. Брандишаускаса)

Обычно Надежда разводит дым или утром, или вечером, когда наиболее влажно, поскольку влажность — это лучшее условие получения смол при обработке кожи. Мастерицы по выделке шкур Тамара Найканчина и Ольга Жуманеева обрабатывают шкуры дымом каждый день. Они говорят, что гнилое дерево дымит, но не обжигает кожу. Также дым обеспечивает коже более темный цвет. Через несколько дней обработки кожа делается желтой, иногда коричневой. После обработки дымом кожа становится долговечной, устойчивой к влаге и даже если она намокнет, то все равно не станет жесткой.

Как считает оленевод Николай Арунеев, во время обработки кожи дымом особое внимание нужно уделить больным оленям. Вредные вещества могут помешать процессу лечения оленя. Поэтому шкуры никогда не обрабатывают подобным образом весной, когда олени наиболее уязвимы и истощены после зимнего сезона и отела. Мясо коптят летом. Обычно его нарезают длинными тонкими ломтями и высушивают в лагере, устроенном недалеко от места забоя. Такие куски подвешивают на специальных вешалах (о. *локовун олдерук*) и высушивают дымом, ветром и солнцем минимум три дня.

Как правило, небольшой постоянный огонь поддерживают под мясом. Для этого используют небольшие веточки ольхи (о. *дулгикта*) и иногда ивы (о. *марь*). Однако береза (о. *чалбан*), кедр (о. *булгикта*) и лиственница (о. *иракта*) не используются. У копченого мяса есть особое название — *сирна* (о., русские называют его *кукуро*, что на языке ороchon означает сваренное, а затем за жаренное мясо). Приготовление *сирны* занимает три-четыре дня.

Чтобы уберечь оленей и лошадей от мошки и контролировать стадо, охотники и оленеводы делают дымокуры (о. *самнинэ*). Николай Арунеев считает, что без дымокуров управление стадом было бы невозможно. Олени, приученные к дымокуру, отдыхают вокруг него в дневное время, когда насекомые наиболее активны, и у оленеводов нет необходимости бродить целый день в поисках стада. Более того, оленеводы даже ждут, когда появится мошка, облегчающая управление стадом.

Пожилая ороchonка и сказительница Анна Семиреконова из деревни Монгой (Республика Бурятия) рассказала, что олени остались с людьми только благодаря дымокуру: «Когда Бог отправил оленей на землю, люди сделали мягкую подстилку и дым для оленей, поэтому они и остались с людьми. Но не везде так случилось. В некоторых местах олени упали, пострадали и убежали прочь».

Для приготовления дымокура используются только особые виды деревьев. Это могут быть увлажненная сухостойная древесина (о. *иракта*), лиственница, пострадавшая от белого грибка-паразита (о. *илты*), или зеленая подрастающая лиственница. Однако орочоны никогда не берут для этой цели красную лиственницу (о. *кучу*), поскольку последняя может навредить здоровью оленя. Белый мох добавляют для густоты дыма. Охотники также устанавливают дымокуры в местах забоя, что предотвращает появление хищников, таких как росомаха (о. *дженатаки*), волк (о. *иргичы* или *чангми*), ворона (о. *кере*) или орел (о. *киран*).

Дым также используют в качестве инструмента охоты. Например, когда соболь загнан, он прячется в отверстиях между камнями. В таких случаях охотники используют дым, раздувают его, чтобы он как можно глубже проник в отверстие, и «выкуривают» животное.

Ритуалы огня: угольная пыль и кормление

В отношении огня существует ряд запретов, которым пожилое поколение хотело бы научить молодых охотников. Например, в огонь нельзя плевать, считается грехом двигать дрова в костре острым предметом, особенно ножом. Нельзя мочиться на огонь с целью потушить его и говорить огню какие-либо ругательства.

Огонь воспринимается как отличное от человека живое существо (non-human being). В российской этнографической литературе, например в сравнительном изучении жителей Сибири, Алексеев [1975] и Зеленин [1929], так же как Гурвич [1977], Михайлов [1987] и Петри [1930], писали о том, что дух — хозяин тайги, ответственный за географические места и влияющий на домашних и диких животных, определяющий человеческую судьбу, может селиться не только в материальных объектах, но и в огне. Через огонь, таким образом, осуществляется коммуникация с духом-хозяином.

Это можно проиллюстрировать рассказом орочона Гельтона Ивановича Аруниева из рода Чильчагиров из деревни Тунгокочен:

«Орочоны говорят, что у огня есть душа, схожая с человеческой. Однажды две женщины сидели у огня и обрабатывали шкуры, как вдруг огонь начал издавать звуки и искриться. Одну женщину это разозлило, и она взяла палку и ударила огонь. Огонь затих. Однако после некоторого времени женщина увидела раненого человека, лежащего на земле. Больше не было ни света, ни тепла в палатке. Женщину это очень огор-

чило, и она обратилась за помощью к шаману. Шаман провел много дней в попытках снова вернуть огонь».

Анна Таскерова из деревни Усть-Каренга сообщила, что если у кого-то неприятности на охоте, это можно понять по искрам, так как огонь хочет успокоить их чувства. Охотник Чулан Кирилов из деревни Бугунда (Бурятия) утверждает, что «если человек не знает, прав ли он или нет, то огонь всегда подскажет. Он будет издавать особые звуки». В таких случаях охотник Андрей Догончин, родом из деревни Карафтит (Республика Бурятия), говорит: «Того синкеридя-ран» (о.), что означает «Огонь шлет послание» или же «Огонь шаманит»¹. Он также рассказал, что для того, чтобы услышать, что думает огонь, люди могут специально класть сухие дрова, чтобы вызвать искры и треск. Иногда человек громко говорит огню о том, что его волнует, и вслушивается в надежде на ответ. Алексей Арунеев полагает, что если огонь стреляет искрами в человека, то это добрый знак — к удаче, охотничьему фарту. Охотники также наблюдают за огнем и стараются понять его знаки для установки лагеря в каком-либо месте. Дух говорит через огонь, он опровергает или подтверждает выбор людей остановиться в этом месте.

Первая ложка супа, кусок мяса или глоток чая всегда достаются огню. Подношение делается, как правило, человеком, который готовит еду. Когда огню досталась порция из общего котла, каждый охотник делится с ним едой из своей тарелки. Этот ритуал соблюдается повсюду в тайге и большинством жителей Забайкалья.

Во время одного удачного охотничьего сезона, организованного Алексеем Арунеевым, каждый участник хорошо отблагодарил огонь. Такое кормление осуществляется дважды. Первый раз — перед отправлением на охоту, второй раз — после возвращения в лагерь огонь получает кусок свежедобытого мяса. Во время разделки туши Алексей Арунеев давал огню по кусочку мяса с каждой части животного.

Когда тушу животного невозможно принести в лагерь, ее раздельывают на месте добычи и накрывают берестяной корой (о. талу). Чаще это характерно для осени, когда становится холодно. Однако охотники всегда приносят в лагерь немного мяса для ужина, обычно это печень, почки и язык. Однажды Алексей Арунеев принес с охоты сердце, язык и печень и бросил все в огонь со словами: «Хозяин

¹ Слово *синкен* может относиться к другим объектам, наделенным силой, и используется среди других групп эвенков.

дал нам, теперь наша очередь благодарить его!». Эти слова были сказаны в контексте того, что огонь отблагодарили за удачу в охоте.

Когда охотник теряет свою удачу (о. *куту*), он следует ритуалам, вопрошая духов — хозяев разных мест помочь ему в охоте. Огонь является посредником между человеком и духом, через которого осуществляются подношения. Посредством ритуалов кормления огня человек вступает в отношения с духом — хозяином определенного места и разделяет с ним его возможности.

Поскольку хозяином места часто является умерший родственник, тот, кто разводит огонь в лесу в старом очаге, рискует столкнуться с серьезными проблемами. Именно поэтому охотники никогда не разводят огонь в том месте, где до них это уже кто-то делал, и не важно, жив этот человек или нет. Это место уже связано с хозяином и может навредить другому. Охотники рассказывают много историй о том, как нарушители этого запрета видели призраков (о. *арик*) и потеряли удачу.

Когда готовят еду в палатках или зимовьях на печке-буржуйке, двери печи всегда открыты и огонь постоянно получает еду. Этому обычаю следуют все таежники. Социализация в виде совместного употребления водки как в тайге, так и в деревне не обходится без кормления огня. Первый стакан водки достается хозяину места. В случае, если охотники остаются ночевать в зимовье умершего человека, то кормление огня означает кормление души ушедшего и является важным для легитимации ночевки в этом месте.

Подобный способ выражения просьбы переночевать также является гарантией спокойной ночи для охотников. Этот обычай широко известен не только ороочонам, но также распространяется на всех жителей Забайкалья, включая русских.

В большинстве ороочонских деревень огонь используется как посредник между человеческими душами (о. *буны*) на похоронах. Тамара Найканчина из Тунгокочена рассказала, что *буны* может предсказать будущее по следам, оставленным на кострище. Ороочоны Тунгокоченского, Монгойского и Россошинского районов часто разжигают огонь в первую ночь похорон около головы умершего, которого помещают на специально построенной платформе¹.

¹ В Забайкалье до сих пор сильна традиция устанавливать гроб на четырех деревянных шестах (о. *гирамда*). Хотя в советские времена такое «отправление на покой» рассматривалось как «дурной тон», сегодня это

Надежда Жуманеева полагает, что только обладающий знаниями человек может предсказывать на пепле, поскольку не всем дано прочесть знаки пепла. В Тунгокочене для этого ритуала используется особое дерево определенного кустарника (о. *марил*), которое оставляют гореть всю ночь. Наутро родственники приходят посмотреть знаки на пепле. Люди верят, что душа умершего человека оставит на угле и пепле след определенного животного. Существуют множество способов интерпретировать эти следы. Общая идея заключается в том, что, если увидеть отпечаток лапы хищника, это означает, что родственник из рода умершего либо скоро умрет, либо тяжело заболеет. Фигуры, имеющие угловую форму, считаются хорошим знаком.

Огонь всегда разжигают в сакральных местах или при проведении ритуалов. Просьбы о личном и семейном успехе могут быть также высказаны в местах, где находятся камни с петроглифами. Разжигание огня здесь играет важную роль и является маркером идентичности ороchon. Орочоны высказывают свои просьбы только после того, как огонь накормлен. Владимир Торгонов из Багдарина сообщил: «*Когда ты проходишь важное место и варишь там чай, то его брызги достаются хозяину*».

Ороchonка Светлана Воронина, жительница Багдарина, считается эвенкийской шаманкой. Она обучилась шаманскому искусству в Агинском Бурятском округе Забайкальского края. Светлана рассказала, что после инициации почувствовала, что должна использовать огонь в своих ритуалах. С тех пор она прыгает через огонь во время ритуалов. Несмотря на то что бурятские шаманы никогда не используют в обрядах огонь, она всегда начинает свой ритуал с кормления огня. Светлана считает, что огонь приглашает духов к участию в церемонии.

Любые подношения ландшафту орочоны делают после того, как огонь накормлен. Багульник (о. *сенкира*) является особым сакральным растением, которое используется в повседневных ритуалах. Николай Арунеев часто обдаёт свои вещи, оленей и людей дымом багульника, когда готовится к охотничьему сезону, перекочевкам или предполагает встречу с духами или душами усопших.

легитимная практика у ороchонов Бурятии. Этот старинный похоронный обряд соотносится с космологическими представлениями о загробной жизни и сопровождается рядом ритуальных представлений.

Оленеводы и охотники полагают, что они с помощью дыма высказывают свои просьбы и очищают себя после посещения деревни, чтобы избежать влияния «дурного глаза», что является категорией магической атаки. Очищение имеет важное значение перед путешествием в другой лагерь. Угольная пыль багульника также используется на похоронах и в ритуалах, связанных с лечением болезней.

Подконтрольное выжигание как залог успеха охоты и оленеводства

Подконтрольное выжигание (о. *дьягдикиуча*) является широко распространенной практикой ороchon как в тайге, так и в деревнях, особенно при заготовке сена домашним животным (рис. 12). Люди верят, что этот метод помогает восстановить запасы питания диких и домашних животных после зимы. Выжигание традиционно осуществляется ранней весной или поздней осенью на травянистых краях ручьев и озер, вокруг огородов, зимовий, таежных проходов, полуостровов и островов и зависит от погодных условий (осущест-

Рис. 12. Контролируемое выжигание лугов около реки Каренга. Тунгокоченский район, Забайкальский край, весна 2005 года (фото Д. Брандишаускаса)

вляется тогда, когда становится понятно, что огонь не будет интенсивным и риск разгорания минимален). Огонь стремится выйти за пределы подконтрольной территории поджигания. Действительно, поздний сезон поджигания может привести к разрушению корневой системы почвы, что потребует последующего длительного восстановления.

Большинство охотников и оленеводов, контролирующих выжигание, говорят, что это нужно делать с большой осторожностью. Алексей Арунцев отмечает: «Если следовать определенным наблюдениям, то тогда неважно, откуда ты начал выжигание. В любом случае огонь сожжет траву и не коснется деревьев». Охотники считают, что выжигание нужно начинать, когда стемнеет, — это позволяет лучше контролировать пламя, более того, ветер дует с меньшей силой, чем днем. Так, один старик-орочон, прежде чем начать выжигание, ждал особых знаков от природы¹.

Знание о надвигающемся дожде или снеге раньше служило преимуществом в практике подконтрольного поджигания. Оленеводы говорят, что если не поджигать особые места — *кевер* (о.), то оленям будет трудно выжить.

Огонь также важен для поддержания мест обитания диких оленей: выжигается старая трава, поэтому свежая трава весной растет быстрее на кочковатой местности (*кевер*). В первую очередь появляются стебли травы (о. *иргекта*), произрастающие на пригорках; трава, выросшая позднее, называется *нергакта* (о.). Оба растения значимы для весеннего питания оленей, поэтому подконтрольное выжигание важно для экологии оленеводства. В основном поджигают сырые низины и поля с кустарниками.

По словам Николая Арунцева, олени также питаются побегами травы в зимнее время. Как трава, так и листья — важные элементы диеты копытных животных. Если не осуществлять подконтрольное выжигание, то поля вскоре покроются кустарником и молодыми

¹ Орочоны обладают особыми знаниями о том, как предсказывать погоду. Изменения погоды можно предчувствовать (в том числе собственным телом), но также их можно понять по направлению ветра, поведению животных, солнца, луны, облаков и звезд. Поскольку погода напрямую влияет на поведение животных, они выступают в качестве информантов о прогнозе погоды. Также орочоны используют магию и предсказывают погоду по костям.

побегами деревьев. Оленеводы также поджигают влажную и возвышенную часть долины, которую они называют *товоко* (о.) — подушка. Эта часть наполняется влагой благодаря ручьям, стекающим в долину. Ивовый кустарник (о. *кикчавик*) выжигают для того, чтобы избежать риска возникновения лесных пожаров, более того, это делает землю менее сырой, что помогает в охоте и оленеводстве. Николай Арунеев считает, что подобное выжигание нужно проводить иногда раз в пять лет, иногда раз в два года. Однако кустарники необходимы, поскольку там прячутся косули, а листья кустарника служат пищей многим копытным.

Некоторые лужайки (о. *таяка*) богаты ягодами (о. *дикта*), поэтому при поджигании продумывается, как сохранить ягодные кустарники и увеличить их продуктивность. Каждый человек, хозяин своей территории, сам решает, что выжигать. Некоторые охотники организуют выжигание таким образом, что оно весной позволяет привлечь диких копытных ближе к зимовью. В некоторых случаях люди выжигают большие территории, но иногда оставляют природу такой, какая она есть.

Лесник-эвенк Николай Улзуев говорит, что главная цель подконтрольного поджигания — это очищение от всего сухого, что осталось после зимы. Поэтому оленеводы избавляются от того, что может вызвать лесной пожар летом. Местные жители уверены, что причина большинства лесных пожаров — в отсутствии достаточного количества подконтрольного весеннего выжигания.

Оленеводы также замечают, что места, где олени не пасутся зимой, вероятно, станут первой «жертвой» лесных пожаров. Николай Арунеев уверен, что оленеводство и благосостояние таежного ландшафта связаны между собой. Он также считает, что олень и есть настоящий хозяин ландшафта, охраняющий тайгу. Более того, что духи защищают те места, где пасутся олени, поэтому огонь не трогает их.

Оленеводы верят, что места обитания духов никогда не подвергнутся воздействию лесных пожаров, поскольку они охраняются духами. Многие старики-орочоны полагают, что места вокруг древних камней с петроглифами (о. *дукувучи*) все еще зеленые, несмотря на то что лесные пожары уничтожают прилегающие к ним территории. Старый лабаз, где хранятся шаманские принадлежности, как сообщила охотница и оленевод Надежда Таскерова из Усть-Каренги, огонь также не трогает. В этом контексте все места, где есть хозяин, огонь обходит стороной.

Представленные выше этнографические материалы показывают, что эвенки-орочоны Забайкалья сохраняют большое уважение к огню в своей повседневной жизни в тайге. Огонь остается одной из самых важных стихий, на которой строятся отношения, знания, этика и мораль жителей тайги. Проживание человека в тайге поддерживается теплом огня, приготовлением пищи на огне, а также ручным трудом, который невозможен без огня (выделка шкур, изготовление покрышек, палаток). С помощью дыма отгоняют комаров, обеспечивается спокойствие человека или животного, консервируется мясо, замша делается более эластичной, также дым очищает от всего недоброго (злых духов, сглаза или порчи). Огонь принимает дары во имя духов или хозяев мест и имеет важную коммуникативную функцию, передавая звуком, образами, светом пепла или пламени важные для охотника и оленевода знаки, а также предупреждая его об удаче или опасности. С помощью огня орочоны регулируют изменение ландшафта, делая его более привлекательным и продуктивным (кормом и ягодами) для обитания диких зверей и домашних оленей. Контролируемое выжигание воспроизводится с применением локального знания и с учетом чувствительности людей к сезонным изменениям ветров, осадков, температуры и растительности. Таким образом, тесные отношения человека и огня не только помогают избежать больших лесных пожаров или обезопасить от действия злых духов, но и создают благоприятный одомашненный ландшафт, удобный для стоянок, передвижения, промысла на дикого зверя и оленеводства.